

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Дозоры Сергея Лукьяненко»

Компьютерный дизайн *О.В. Жуковой*

Художник *А. Фerez*

Лукьяненко, Сергей Васильевич.
Л84 Сумеречный Дозор : [фантаст. роман] / Сергей Васильевич Лукьяненко. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 400 с. — (Дозоры Сергея Лукьяненко).

ISBN 978-5-17-118505-3

Рожденный человеком не способен стать Иным.

Так было всегда.

На этом стоит равновесие между Ночным и Дневным Дозорами. Между Светлыми и Темными магами.

Что случится, если кто-то сможет превращать в Иных самых обычных людей?

Если Светлый маг Гесер и Темный маг Завулон будут вынуждены действовать вместе?

Если в элитном жилом комплексе «Ассоль», в маленькой подмосковной деревушке и в скором поезде Москва — Алматы будет поставлено на карту само существование Иных — и людей?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С.В. Лукьяненко, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Данный текст безразличен делу Света.

Ночной Дозор

Данный текст безразличен делу Тьмы.

Дневной Дозор

история

Ничье
время

Пролог

Настоящие дворы исчезли в Москве где-то между Высоцким и Окуджавой.

Странное дело. Даже после революции, когда в целях борьбы с кухонным рабством в домах ликвидировались кухни, на дворы никто не покушался. У каждой гордой «сталинки», развернувшейся потемкинским фасадом на ближайший проспект, обязательно был двор — большой, зеленый, со столиками и скамейками, с дворником, скребущим асфальт по утрам. Но пришла пора панельных пятиэтажек — и дворы съезжились, полысели, когда-то степенные дворники сменили пол и превратились в дворничих, считавших своим долгом отодрать за ухо расшалившихся мальчишек и укоризненно выговорить вернувшимся пьяненькими жильцам. Но все-таки дворы еще жили.

А потом, будто откликаясь на акселерацию, дома потянулись вверх. От девяти этажей до шестнадцати, а то и до двадцати четырех. И будто каждому дому отводился в пользование объем, а не площадь — дворы усохли до самых подъездов, подъезды открыли двери прямо на проезжие улицы, дворничихи исчезли, сменившись работниками коммунального хозяйства.

Нет, позже дворы вернулись. Но, будто обидевшись на бы-
лое небрежение, далеко не ко всем домам. Новые дворы были
опоясаны высокой оградой, на проходных сидели подтянутые
молодые люди, под английским газоном прятались подземные
паркинги. Дети на этих дворах играли под присмотром гувер-
нанток, пьяных жильцов извлекали из «мерседесов» и «БМВ»
ко всему привычные телохранители, а мусор с английских газо-
нов новые дворники подчищали маленькими немецкими ма-
шинками.

Этот двор был из новых.

Многэтажные башни на берегу Москвы-реки знали по всей
России. Они стали новым символом столицы — вместо потуск-
невшего Кремля и превратившегося в рядовой магазин ЦУМа.
Гранитная набережная с собственной пристанью, отделанные ве-
нецианской штукатуркой подъезды, кафе и рестораны, салоны
красоты и супермаркеты, ну и, конечно же, квартиры по две-три
сотни метров. Наверное, новой России нужен был такой сим-
вол — помпезный и кичовый, будто толстая золотая цепь на шее
в эпоху первичного накопления капитала. И не важно, что боль-
шая часть давно купленных квартир стояла пустой, кафе и ресто-
раны были закрыты до лучших времен, а о бетонную пристань
били грязные волны.

Человек, теплым летним вечером прогуливающийся по набе-
режной, золотой цепи никогда не носил. У него было хорошее чу-
тье, вполне заменявшее вкус. Он вовремя сменил спортивный ко-
стюм «Адидас» китайского пошива на малиновый пиджак, пер-
вым отказался от малинового пиджака в пользу костюма от
Версачи. Он даже спортом занимался с опережением — забросив
теннисную ракетку и перейдя на горные лыжи на месяц раньше
всех кремлевских чиновников... даром что в его годы с удоволь-
ствием на горных лыжах можно только стоять.

И жить он предпочитал в особняке в Горках-9, посещая квар-
тиру с окнами на реку только с любовницей.

Впрочем, от постоянной любовницы он тоже собирался отказаться. Все-таки возраст не победит никакая виагра, а супружеская верность начинала входить в моду.

Водитель и охранник стояли достаточно далеко, чтобы не слышать голос хозяина. Впрочем, если ветер и доносил до них обрывки слов — что в этом странного? Почему бы человеку и не поговорить самому с собой на исходе трудового дня, стоя в полном одиночестве над плещущими волнами? Нет более понимающего собеседника, чем ты сам.

— И все-таки я повторяю свое предложение... — сказал человек. — Снова повторяю.

Тускло светили звезды, пробившиеся сквозь городской смог. На другом берегу реки зажигались крошечные окошки лишенных двора многоэтажек. Из красивых фонарей, тянущихся вдоль пристани, горел каждый пятый — и то лишь по поводу блажи большого человека, вздумавшего прогуляться у реки.

— Снова повторяю, — тихо сказал человек.

О набережную плеснула волна — и с ней пришел ответ:

— Это невозможно. Абсолютно невозможно.

Человек на пристани не удивился голосу из пустоты. Кивнул и спросил:

— А как насчет вампиров?

— Да, это вариант, — согласился невидимый собеседник. — Вампиры могут вас инициировать. Если вас устроит существование нежити... нет, я не буду врать, солнечный свет им неприятен, но не смертелен, да и от ризотто с чесноком отказываться не придется...

— Тогда что? — спросил человек, невольно поднося руку к груди. — Душа? Необходимость пить кровь?

Пустота тихо засмеялась:

— Всего лишь голод. Вечный голод. И пустота внутри. Вам это не понравится, я уверен.

— Что еще? — спросил человек.

— Оборотни, — почти весело ответил невидимка. — Они тоже способны инициировать человека. Но и оборотни — низшая форма Темных Иных. Большую часть времени все прекрасно... но когда приступ приближается, вы не сможете себя контролировать. Три-четыре ночи в месяц. Иногда меньше, иногда больше.

— Новолуние, — понимающе кивнул человек.

Пустота снова засмеялась:

— Нет. Приступы оборотней не связаны с лунным циклом. Вы будете чувствовать приближение безумия за десять — двенадцать часов до момента превращения. Но точного графика вам никто не составит.

— Отпадает, — холодно сказал человек. — Я повторяю свою... просьбу. Я хочу стать Иным. Не низшим Иным, которого охватывают приступы животного безумия. Не великим магом, творящим великие дела. Самым обычным, рядовым Иным... как там по вашей классификации? Седьмого уровня?

— Это невозможно, — ответила ночь. — У вас нет способностей Иного. Ни малейших. Можно научить играть на скрипке человека, лишённого музыкального слуха. Можно стать спортсменом, не имея к тому никаких данных. Но Иным вы не станете. Вы просто другой породы. Мне очень жаль.

Человек на набережной засмеялся:

— Не бывает ничего невозможного. Если низшая форма Иных способна инициировать людей — то должен существовать и способ превратиться в мага.

Темнота молчала.

— Кстати, я не говорил, что хочу стать Темным Иным. Я не испытываю никакого желания пить невинную кровь, гоняться в полях за девственницами или с мерзким хихиканьем наводить порчу, — раздраженно сказал человек. — Куда с большим удовольствием я стану совершать добрые дела... в общем — ваши внутренние разборки мне совершенно безразличны!

— Это... — устало сказала ночь.

— Это ваша проблема, — ответил человек. — Я даю вам неделю. После этого я хочу получить ответ на свою просьбу.

— Просьбу? — уточнила ночь.

Человек на набережной улыбнулся:

— Да. Пока я лишь прошу.

Он повернулся и пошел к машине — «Волге», которая вновь войдет в моду примерно через полгода.

Глава 1

Даже если любишь свою работу — последний день отпуска навевает тоску. Еще неделю назад я жарился на чистеньком испанском пляже, вкушал паэлью (если честно — узбекский плов вкуснее), пил в китайском ресторанчике холодную сангрию (и как так получается, что китайцы национальный испанский напиток готовят лучше аборигенов?) и покупал по магазинчикам всякую курортную сувенирную ерунду.

А теперь вновь была летняя Москва — не то чтобы жаркая, но томительно-душная. И последний день отпуска, когда голова отдыхать уже не способна, но работать отказывается наотрез.

Может быть, поэтому звонок Гесера я встретил с радостью.

— Доброе утро, Антон, — не представляясь, начал шеф. — С возвращением. Узнал?

С каких-то пор звонки Гесера я начал чувствовать. Будто менялась трель телефона, обретала требовательный, властный оттенок.

Но говорить шефу об этом я не спешил.

— Узнал, Борис Игнатьевич.

— Один? — спросил Гесер.

Ненужный вопрос. Уверен, что Гесер прекрасно знает, где сейчас Светлана.

— Один. Девочки на даче.

— Хорошее дело, — вздохнул шеф на том конце трубки, и в голосе его появились совсем человеческие нотки. — Ольга вот тоже утром в отпуск улетела... половина сотрудников на югах греется... Ты мог бы сейчас подойти в офис?

Ответить я не успел — Гесер бодро сказал:

— Ну и прекрасно! Значит, через сорок минут.

Очень хотелось обозвать Гесера дешевым позером — конечно, положив вначале трубку. Но я промолчал. Во-первых, шеф мог услышать мои слова без всякого телефона. Во-вторых — уж кем-кем, а дешевым позером он не был. Просто предпочитал экономить время. Если я собирался сказать, что буду через сорок минут, — к чему терять время и меня выслушивать?

А еще — я был очень рад звонку. Все равно день пропаций — на дачу я поеду только через неделю. Убираться в квартире рано — как любой уважающий себя мужчина в отсутствие семьи я делаю это один раз, в последний день холостяцкой жизни. Идти в гости или звать гостей к себе тоже решительно не хотелось. Так что куда полезнее на день раньше вернуться из отпуска — чтобы в нужный момент с чистой совестью потребовать отгул.

Пусть даже у нас не принято требовать отгулы.

— Спасибо, шеф, — с чувством сказал я. Отлепился от кресла, отложив недочитанную книжку. Потянулся.

И телефон зазвонил снова.

Конечно, с Гесера станет позвонить и сказать «пожалуйста». Но уж это точно станет фиגлярством!

— Алло! — произнес я очень деловым тоном.

— Антон, это я.

— Светка, — сказал я, усаживаясь обратно. И напрягся — голос у Светланы был нехороший. Тревожный. — Светка, что с Надей?

— Все в порядке, — быстро ответила она. — Не волнуйся. Лучше скажи, как у тебя дела?

Несколько секунд я размышлял. Пьянок не устраивал, женщин в дом не водил, мусором не зарос, даже посуду мою...